

ВОЙДИ В ЭТОТ ДОМ!

Ваш собеседник — народный артист РСФСР И. Т. Бобылев

ЭТО был обычный будний день. Рабочие сцены расставляли декорации, заканчивали гримироваться актеры, электрик включил световое табло: «Тише! Идет спектакль!», помощник режиссера возвестил по радио, что до поднятия занавеса осталось пять минут... Все, как обычно, как всегда. Однако замечаю какой-то особый душевный подъем у артистов Владимира Феликсовича Гинзбурга, Валентины Васильевны Михайловой, Александра Ивановича Корчажникова, Виктора Петровича Сайтова, Юлиса Матвеевича Крейделя. У них сегодня своеобразный праздник. Правильнее: праздник спектакля «Продавец дождя».

Вот уже восемь лет рассказывают артисты эту удивительно трогательную историю о стремлении каждого человеческого сердца к счастью и любви. (Для сравнения скажем, что по статистическим данным ВТО средняя продолжительность жизни спектаклей во многих театрах РСФСР — один, два сезона). «Продавец дождя» — не единственный на сцене пермской драмы юбилар. Многие годы живут здесь «Васса Железнова», «Последний срок», «Дерева умирают стоя» — спектакли, каждый по-своему обозначившие вершины в творчестве Лидии Владимировны Мосоловой; «Сирано де Бержерак» — своеобразный «звездный час» В. Гинзбурга; «Прошлым летом в Чулимске» — спектакль, возвестивший о твердой поступи театральной молодежи; список «долгожителей» пермской драмы можно продолжать. Но меня интересует причина и возможность их долгой жизни, потому что в этом кроется разгадка, над которой бьются многие творческие коллективы...

Бобылев. И называется она просто — театр и зритель. Называется просто, а разгадывается очень сложно.

Сказать, что мы досконально знаем нашего пермского зрителя, значит впасть в ошибку. Но мы отлично чувствуем своими глазами, ушами, всем своим существом, каким спектаклем попадаем в цель. Когда попадание происходит — это счастье. Когда нет — лучше не вспоминать...

Очень важно для успеха любого спектакля то, чтобы зрителю все увиденное было близко, чтобы он ощущал, что это говорят и про него, обращаются к нему... Вот вы говорили о спектаклях-долгожителях. Все это разные произведения, из разных социальных эпох. Но, как правило, их объединяет идея, созвучная нашему зрителю, нашему современнику: гуманизм, уважение к человеку. В этих произведениях заложены

непреодолимые, фундаментальные ценности.

Но чтобы театр смог об этих ценностях говорить, стать кафедрой высоких мыслей и чувств (не побоясь громких слов, и так уж наша речь, порой, чрезмерно заземлена), одних благих пожеланий мало.

Бобылев. Разумеется. Не боясь впасть в преувеличение, скажу, что за последние годы коллективом театра проделана немалая творческая работа. И именно в стремлении стать кафедрой высоких мыслей и чувств. Это наше коллективное завоевание. В этом плане потрудились все. Я считаю, что мы добились важного положения: мы вышли из того возраста что ли, из той стадии развития, когда кому-то кого-то хочется поучать, наставлять, натаскивать и т. д. Нам стало не до этого. Нам не до амбиций. И, как главный режиссер, могу свидетельствовать растущее взаимопонимание всех, работающих над спектаклем. На нашем языке это называется — иметь ансамбль. Не без усилий, от чего-то отказываясь, что-то ломая, мы добились разнообразного репертуара. В нашей афише теперь ежегодно до двадцати пяти пьес. Все это позволяет не жаловаться на зрительский интерес и внимание. А главное, это дало возможность театру постоянно, методически утверждать свое идейное и эстетическое кредо и быть, как вы выразились, кафедрой высоких мыслей и чувств. В этом, в определенной степени, разгадка долгой жизни дорогих для нас спектаклей. Мы не разрешаем им ветшать и стареть. Стремимся держать на уровне премьеры. Поверьте мне, что чрезвычайно трудно.

Я долгое время вынашиваю идею одной рецензии. И заголовок уже готов... Так вот я назвала бы эту статью — «Уроки добра пермской драмы».

Бобылев. Спасибо. И за откровенность — плачу откровенностью. Хотя признание это мне дорого стоит. Всем нам дорого стоит, потому что речь идет о спектакле, который, видимо, не принесет нам мгновенного, яркого успеха.

Мы только что показали зрителям премьеру «Деньги для Марии» по Распутину. Сложный, философский спектакль. Актеры и я, как режиссер, кажется, выжились полностью. И свой след в биографии театра, в творческой жизни каждого из нас этот спектакль оставит. Он — как стартовая площадка для освоения, завоевания каких-то новых творческих высот. И то, что мы открыли для себя, работая над «Деньгами...», непременно проявится в будущем, обогатит другие наши спектакли.

Как и всякому режиссеру, мне любопытно видеть реакцию, знать мнение зрителей по поводу той или иной нашей работы. Конечно, приятно наблюдать восторг зрителей. Но вот однажды я услышал такой разговор, его вели двое зрителей, помнится, после спектакля «Последний срок». Один спрашивает: видел постановку? Ну и как? Другой отвечает: а ты сходи. Сходи.

И вот это краткое — сходи, сходи — мне было очень дорого, ничуть не меньше, чем горячие аплодисменты.

Трудный это вопрос — сделать постоянными друзьями театра сотни и тысячи зрителей. Театр, как бы ни стабильно шли его дела, все равно нуждается в пропаганде. И тут я, как говорится, вызываю огонь на себя, предлагая вам тему для размышления: театр и пресса. Вы, конечно, скажете, что о театре пишется мало. Лично я не знаю ни одного актера, который полностью был бы доволен прессой. И когда слышу упрек, задаю контрольный вопрос: а про завод такой-то или про НИИ вы читаете в газете каждую неделю?

Бобылев. И как актеры реагируют?

Внешне вежливо кивают, народ воспитанный, но остаются при своем мнении.

Бобылев. Мне доводилось наблюдать, как откликается заграничная пресса на театр. Должен сказать: мгновенно. Вечером спектакль, утром — рецензия. Но там совершенно другой подход к искусству. Иные мерки, иные критерии. Там зачастую важен факт, и вокруг него накручивается много несущественного. Я тоже считаю, что о театре следует писать больше, но что мне импонирует в пермской прессе — это стремление журналистов раскрыть творческую лабораторию театра, показать внутренний мир, мысли и чувства актера.

Как-то я зашла к одной актрисе, уже не играющей на сцене. Зашла без предупреждения, по пути, и застала ее, что называется, врасплох. На

столе, на диване, на стульях были разложены газетные вырезки, фотографии, одним словом, вся ее сценическая жизнь в рецензиях и снимках. Меня это потрясло.

Бобылев. Так уж устроен актер... Такая уж профессия, которая никогда не отпускает человека, не дает роздыха, и живет в нем до последнего дыхания...

Мы, кажется, немного увлеклись минорным настроением. Вернемся к существу вопроса.

Бобылев. Да, да. Пропаганда театра — это не только пресса, это комплекс мер. И одному театру их не решить. У нас, вроде, много помощников. Промышленные предприятия, с которыми мы связаны, Дома и Дворцы культуры, где проходят наши выездные спектакли, и ставшие традицией наши сельские гастролы. Все это, конечно, работает на пропаганду искусства, на театр. Но вот что меня глубоко беспокоит: стремление многих людей воспринимать искусство мимоходом, между делом, между заходом в гости или в аптеку. А как много в нашей жизни зависит от благовременной художественной настроенности человека на искусство. Посещение театра — праздник, событие, к которому следует себя готовить. Я говорю об этом потому, что нередко театр вместо того, чтобы отдать все силы на выполнение своих прямых задач художественного назначения, вынужден беспокоиться о вещах, о которых, в принципе, он не должен даже и думать.

Отправляясь в сельские гастролы, мы, наученные горьким опытом, часто звоним в клуб или председателю колхоза и спрашиваем: у вас натопплено? У вас чисто?

Вот нынче, вспоминаю, с каким воодушевлением артисты направлялись в села Очерского района. И в первой же деревне встретились, что называется, с неприятностью. Никто нас не ждал. На дверях клуба висел серый клочок бумаги, извещающий,

что состоится концерт артистов. Разыскали заведующего клубом, и кто-то довольно гневно ему сказал: к вам приехал орден Трудового Красного Знамени Пермский драматический театр. Правда, тут же пожалели о запальчивости, актеры народ отходчивый, но заведующего клубом, по-моему, проняло. А Усть-Качка? Считайте, что мы у них прописаны, очень часто там выступают наши артисты. И многие годы работают на совершенно непригодной сцене. И получается, что как бы мы ни старались, но уже изначально, в силу обстоятельств, не зависящих от нас, наш труд обрекается на неуспех. В Усть-Качке, всесоюзной здравнице, где собираются люди со всех уголков страны, в селах, рабочих клубах — везде, где мы выступаем, нам бы хотелось показывать, пропагандировать искусство, достояние нашего театра. Я увлекся... Я говорю не на тему?

Очень на тему! Я тоже... Как-то после большого перерыва я попала на спектакль пермской драмы. Давно я не переживала такого волнения. Прежде всего — от неповторимой атмосферы театра. Я не специалист и не буду касаться тонкостей игры актеров. Но тот заряд оптимизма, веры в человека, который театр дал мне в тот вечер, долго оставался со мной. Спасибо за это театру». Вы, видимо, помните, Иван Тимофеевич, это письмо, отрывок из которого я сейчас прочитала?

Бобылев. Отлично помню. Оно было получено редакцией «Звезды», и вы его переслали нам, в театр.

Таких исповедальных писем о влиянии искусства на жизнь человека редакционная почта приносит немало, и нужно ли говорить, как мы радуемся им? Это и замечательно, и знаменательно. В них, как в зеркале, отражается подлинная роль искусства в жизни человека.

Бобылев. В спектакле нашего театра, в спектакле тоже долгожителя — «Птицы нашей молодости» по пьесе замечательного молдавского драматурга Иона Друце, главная героиня, мудрая тетушка Руда говорит: «Душа это тоже поле, на котором ничего хорошего не вырастет, если сам же не посеешь... Сумей противостоять всему, что чуждо этому полю, и только тогда будет зеленеть и цвести нескончаемое поле души твоей».

Искусство тоже сеет драгоценные зерна в надежде, что они дадут добрые всходы. Войди в театр! Войди в дом, где живет искусство!

И. ФУКАЛОВА.

На снимке: народный артист РСФСР И. Т. БОБЫЛЕВ.

Фото В. Янца.